

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 78–83

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 78–83

<https://bonjour.sgu.ru>

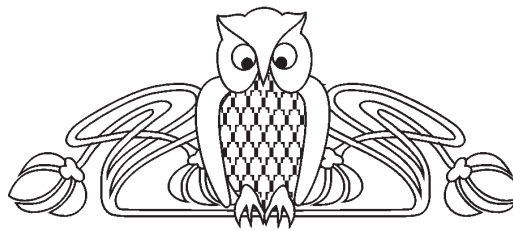
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-78-83>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929Бальмонт

Мотив музыки луны в поэзии К. Д. Бальмонта

Г. М. Маматов

¹Сибирский государственный университет путей сообщения, Россия, 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191

²Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28

Маматов Глеб Максимович, ¹преподаватель русского языка и литературы Центра довузовского образования; ²аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, zarra8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0625-3853>.

Аннотация. В статье рассматривается мотив лунной музыки в творчестве К. Д. Бальмонта на материале его стихотворений, прозы и эстетических статей. Исследуется его символика и развитие в книгах раннего, зрелого и позднего периодов. Делаются следующие выводы. В ранней лирике Бальмонта луна связывается с оксюморонным мотивом «звучащей тишины». Данный мотив обусловлен важной ролью психологизма в ранних стихах символиста, «звучащая тишина» подчёркивает состояние внутреннего мира героя, всегда отрешённого от реальности и размышляющего над сущностью жизни и смерти. Также рассматривается связь мотива звучащей тишины с готической символикой, характерной для первых книг Бальмонта. В его зрелой лирике луна связывается с темой музыки, которая имеет большое количество коннотаций. Во-первых, музыка луны коррелирует с традиционными мотивами поэзии и искусства. В книге «Будем как Солнце» мир находится на грани между лунным безмолвием и мелодикой струн, на которых поэт играет гимны ночному светилу. Однако в зрелой поэзии из книг «Только любовь. Семицветик», «Литургия красоты. Стихийные гимны» и «Сонеты Солнца, мёда и Луны. Песня миров» лунная музыка связана с темами сказки, волшебства, любви, сна и фантазии, но в то же время с мотивами иллюзии, несбыточности грёз, смерти, зеркальности и призрачности. Особое внимание в статье уделено связи мотива лунной музыки с философией музыки старшего символиста и его стихийной мифологией. Не менее важным оказывается функционирование данного мотива в стихотворении «Луна», посвящённом космогоническому мифу о сотворении мира, где лунная музыка соотносится с темами архаической мифологии и мотивами инициации, смерти, возрождения и превращения в божество.

Ключевые слова: К. Бальмонт, старший символизм, музыка, тишина, лирика, символ, лунная мифология, синтез

Для цитирования: Маматов Г. М. Мотив музыки луны в поэзии К. Д. Бальмонта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 78–83. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-78-83>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Motive of the music of the moon in the poetry by K. D. Balmont

G. M. Mamatov

Siberian Transport University, 191 Dusi Kovalchuk St., Novosibirsk 630049, Russia

Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuiskaya St., Novosibirsk 630126, Russia

Gleb M. Mamatov, zarra8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0625-3853>

Abstract. In the article the motive of the music of the moon in K. D. Balmont's poetry is researched on the material of his poems, prose and aesthetic articles. Its symbolic value and evolution in books of the early, mature and late periods are explored. The following conclusions are drawn. In the early lyric poetry of Balmont the moon is associated with the oxymoronic motive of the 'sounding silence'. This motive is determined by the principal role of psychologism in the early poems of the symbolist, the 'sounding silence' emphasizes the state of the inner world of the hero, who is always detached from reality and is reflecting on the essence of life and death. The connection of the motive of the 'sounding silence' with gothic symbolic range is considered, which is characteristic for the first books by Balmont. In his mature lyrical poetry, the moon is associated with the theme of music, which has a lot of connotations. Firstly, the music of the moon correlates with the traditional motives of poetry and art. In the book *Let's be Like the Sun* the world is on the line between lunar silence and melody of strings, which the poet uses to play his odes to the orb of the night. But in mature poetry in the books *Only Love. Seven-color Flower*, *Liturgy of the Beauty. Hymns of the Elements and Sonnets of Sun, Honey and Moon. The song of worlds* lunar music is connected with themes of fairy tale, magic, love, dream and phantasy, but at the same time with motives of the illusion, unfeasible reveries, death, specularly and ghostliness. Particular attention is paid to the connection between the motive of lunar music and the philosophy of music of the senior symbolist and his spontaneous mythol-

ogy. No less important is the functioning of this motive in the poem *The Moon*, dedicated to the cosmogonic myth of the creation of the world, where moon music is related to the themes of archaic mythology and the motives of initiation, death, rebirth and transformation into a deity.

Keywords: K. Balmont, senior symbolism, music, silence, lyric, symbol, lunar mythology, synthesis

For citation: Mamatov G. M. Motive of the music of the moon in the poetry by K. D. Balmont. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 78–83 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-78-83>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В творчестве К. Д. Бальмонта важную роль играет мотив музыки. Сам поэт обращался к искусству звуков как в лирических текстах, так и в эстетических трудах. На музыкальность бальмонтовской поэзии обращали внимание уже его современники. А. Белый в очерке о символизме из цикла «Луг зелёный» писал: «В музыкальных строках его поэзии звучит нам и грациозная меланхолия Шопена, и величие вагнеровских аккордов – светозарных струй, горящих над бездною хаоса» [1, с. 174].

Неудивительно, что этой теме посвящено немало литературоведческих работ. В некоторых из них исследуются биографические связи поэта с известными музыкантами, например, в статье Е. Потяркиной об увлечении символиста творчеством А. Скрябина [2] и в её диссертации о влиянии Бальмонта на русских и советских композиторов [3]. В монографии Л. Гервер описаны музыкальные мифологемы, типичные для модерна, которые возникают у символиста (мировая музыка, звуки природы, мифология музыкальных инструментов) [4, с. 81]. Полное осмысление темы музыки в его творчестве представлено в работах О. Епишевой, введшей понятие *музыкацентризм* по отношению к бальмонтовской поэтике: «Музыкальное начало в лирике Бальмонта пронизывает всё художественное поэтическое пространство, позволяя описать мир при помощи универсальных музыкальных образов-символов и мотивов» [5, с. 8]. Она изучает «иллюзию полифонии», связь синтаксиса в его лирике с приёмами сольфеджио и контрапункта. Особое место уделено музыкальной символике, связанной со стихийной мифологией поэта, основными гранями которой являются полярные символы Луны и Солнца. О. Епишева видит образы светил как сопровождаемые некоей музыкой: «...ставшие своего рода культовыми лейтмотивами мифологемы Солнца и Луны, сопровождающиеся определённой звуковой, образной символикой» [5, с. 8–9]. На наш взгляд, музыка светил играет более существенную роль в лирике Бальмонта и может рассматриваться как отдельный символ. Данная статья посвящена мотиву лунной музыки, возникающему на протяжении всего творчества поэта.

В его ранней лирике образ луны связан с оксюморонным мотивом говорящей тишины, появляющимся в книгах «Тишина», «Горящие здания», «В безбрежности». Бальмонт обращается к поэтическим клише, известным в романтизме. В балладе «Замок Джэн Вальмор» используется ти-

пичная готическая символика (старинный замок, туман, призраки). Главная героиня оказывается колдуньей, манящей змеиным взглядом юношей, которых она превращает в цветы, из которых выпивает души ради сохранения вечной молодости. Действие разворачивается в ночь лунного затмения. Тишина лунной ночи имеет двойственную символику: это томление влюблённых юношей, спешащих к коварной Джэн Вальмор, но эта тишина, которая предваряет страшный финал, ожидающий героев: «Они идут, и сад молчит,/ Прохлада над травой,/ И только здесь и там кричит/ Сова над головою,/ Да в замке музыка звучит/ Прощальною мольбою» [6, с. 128].

Готические мотивы очевидны в поэме «Забывтая колокольня». В сиянии красной луны «могиленно» молчит лес, лишь филин издаёт стон: «Красная Луна/ Между елей тонет./ Всюду тишина,/ Только филин стонет» [6, с. 109]. Луна связана с темами убийства, тайны и образом заброшенной колокольни. Готические мотивы характерны для многих ранних миниатюр поэта («В башне», «Чары месяца»). Сюда вписывается и общекультурное понимание луны как символа печали: «Красавица тоски беспеременной,/ Верховная владычица печали!» («Луна») [6, с. 160].

Особое место в этом контексте занимает сонет «Лунная ночь»: «Когда я посмотрел на бледную Луну,/ Она шепнула мне: “Сегодня спать не надо”./ И я ушел вкушать ночную тишину,/ Меня лелеяла воздушная прохлада» [6, с. 89]. Пространственная структура стихотворения насыщена традиционными для жанра элегии образами: заброшенный сад, старые деревья, мотивы печали и размышления. Рассмотрим терцет: «И вдруг открылось мне, что жизнь моя темна,/ Что юность быстрая, как лёгкий сон, умчалась, –/ И плакала со мной ночная тишина» [6, с. 89]. Плачущая тишина усугубляет психологическое состояние героя, подчёркивая его глубокую печаль над пустотой собственного бытия.

В сонете «Лунный свет» сияние ночного светила, наоборот, заставляет героя возвыситься над миром, перейти в состояние, в котором он может отречься от жизни и услышать голос тишины: «Впиваю это бледное сиянье,/ Как эльф, качаюсь в сетке из лучей,/ Я слушаю, как говорит молчанье» [6, с. 11]. Луна представляется символом колдовства, она обладает особыми силами, с помощью которых превращает героя в природное, бесплотное и воздушное создание, позволяя ему раствориться в окружающем космосе («Я – облачко, я – ветерка дыханье») и «услышать неслышимое».

В то же время в ранней лирике Бальмонта луна становится носителем божественной силы. В миниатюре «Бледный воздух» описывается небесное царство светил, где луны и звёзды слиты в прекрасном сверкающем танце: «В небе царствуют луны./ Как спокойно вокруг них!/ Златоцветные струны/ Затаили свой стих» [6, с. 171]. Очевидна связь с темой искусства: «золотые струны», «затаившие стих», отсылают к образу поэта-музыканта, создающего на лире свои стихотворения.

Таким образом, в ранней лирике символиста образ луны связан с пограничной сферой звучащей тишины, в которой способен пребывать лирический герой. Символика луны коррелирует с мотивами искусства, фантазии и в то же время смерти, коварства и колдовства. Это царство печали и радости одновременно, которое создаёт непознаваемую сферу, сочетающую звуки и безмолвие. Это состояние можно интерпретировать как чувственный экстаз лирического субъекта. Но нельзя не отметить, что ночное светило в ранней поэтике Бальмонта соотносится с типичными мотивами поэзии романтизма, в частности с готической символикой, характерной для многих его стихотворений 1890-х гг.

Связь луны и творчества, начатая в стихотворении «Бледный воздух», возникает и в книге «Будем как Солнце», куда включён ноктюрн «Лунное безмолвие». Мир находится на грани между музыкой и тишиной: «Непрерываемо дрожание струны,/ Ненарушаема воздушность тишины,/ Неисчерпаемо влияние Луны» [6, с. 183]. Луна как символ творчества возникает и в «псалме» «Восхваление луны», где творец-раб поёт гимны светилу: «Да не сочтёт за дерзновенье/ Царица пышная, Луна,/ Что, веря в яркое мгновенье,/ В безумном сне самозабвенья/ Поёт ей раб своё хваленье,/ И да звенит его струна» [6, с. 184]. Если в ранней лирике звучащая тишина была связана с колдовством и психологическими переживаниями лирического героя, то в «Будем как Солнце» она соединена с мотивом творчества. Луна – типичный поэтизм, эмблема вдохновения и лирики, которая заставляет поэта играть на струнах собственной души.

Исследуя лирику Бальмонта 1900-х гг., мы выявили, что в стихах этого периода возникает мотив лунной музыки. Ярким примером является цикл «Лунная соната» из книги «Только любовь. Семицветик». Название стихотворения отсылает к сонате № 14 до-диез минор Людвиг ван Бетховена. Сюжет цикла, свидание влюбленных под луной, возможно, навеян историей любви немецкого композитора и австрийской певицы и пианистки Дж. Гвиччарди, которой посвящена «Лунная соната». Поэт воспринимает сочинение венского классика по-своему, любовь в цикле светла и прекрасна, что расходится с трагичностью музыки Бетховена.

В романе «Под новым серпом» связь «Лунной сонаты» с темой любви очевидна: «Широкие волны “Лунной” сонаты Бетховена говорили спокойно, убедительным голосом одной души, видящей, к другой душе, которая должна, не может не увидеть» [6, с. 1001]. Тема прекрасной и чистой любви реализована в цикле, где сила лунной музыки соединяет две души: «Мир отодвинулся. Над нами дышит Вечность./ Морская ширь живёт влиянием Луны,/ Я твой, моя любовь – бездонность, бесконечность,/ Мы от всего с тобой светло отделены» [6, с. 305]. Музыка имеет трансцендентное начало, она существует вне пространства и времени, она иррациональна, бесконечна.

Важное место занимает дихотомия чёрного и белого цветов. С белым соотносятся звёзды, «видения облачной млечности», луна («Это Луна ли с покровами белыми»), а с чёрным — мгла, ночь и тени. Соединяясь вместе, эти образы создают картину грандиозного космического пейзажа. Использование этой колористической палитры можно трактовать как связь с клавишами рояля, для которого написана соната Бетховена. Музыка доступна лишь открытому и чистому сердцу, отрешенному от мира: «Чашами радости, светлыми, пирными,/ Лунною сказкой, цветами всемирными,/ Сердцу лишь слышными звонкими струями,/ Блеском зрачков, красотой, поцелуями» [6, с. 304].

Музыка Луны – всемирная созидательная сила, полная радости и фантастичности. Необходимо обратиться к философии поэта. В названии цикла соединены световое и музыкальное начала, что вводит приём синестезии. В статье «Светозвук в Природе и Световая симфония Скрябина», описывая музыку луны, символист соотносит её с темой любви, вожделения, страсти: «Природа посылает лунное серебро в горло соловья, и, покорный этому дару, трубадур Ночи, слагает с начала мира лунно-любвные песни, он научил всех поэтов Земного Шара лунным балладам и влюблённости, всем музыкантам подарил лунные серенады и сонаты влюблённости. <...>. В лунную же ночь он поёт с такой стройностью, что Джалаладдин Руми, и Хаканий, и Гафиз от него переняли дар построить жемчужные ожерелья из слов и власть рассыпать розовые лепестки напевности пред ликами сладчайшими черноокой Персии» [7, с. 15–16].

Лунная музыка связана с Эросом и мотивами восточной поэзии. Она опьяняет творцов, заставляя их создавать свои лучшие стихи. Неслучайно символист приводит в пример таджикско-персидских средневековых поэтов Ш. Хагани, Хафиза и Дж. Руми, в лирике которых образы луны, соловья, розы, жемчуга и черноокой девы занимают важное место.

Заданная в статье концепция лунной музыки находит своё отражение в цикле «Лунная соната», где луна – витальный, прекрасный символ, который связан со страстью лирического героя. Музыка этой сонаты неотделима от света. Луна

в цикле – гармоничное светило, полное поэзии, красоты, сказочности, творчества. Эта музыка не имеет границ, на что указывают слова *бесконечность, бездонность, вечность*. Это сила, перемещающая двух влюбленных в иные сферы: «Вечерний час потух. И тень растёт всё шире./ Но сказкой в нас возник иной неясный свет,/ Мне кажется, что мы с тобою в звёздном мире,/ Что мы среди немых загрезивших планет» [6, с. 304].

Сюжет цикла имеет звуковую динамику от молчания (*piano*) к музыке (*forte*). В первых строфах только сердце слышит дивные звуки («сердце, дрогнув, слышит»), тогда как в финальных катренках музыка луны охватывает вселенную, трансформируя её в грандиозную сонату: «Я так тебя люблю. Но в этот час предлунный,/ Когда предчувствием волнуется волна,/ Моя любовь растёт, как рокот многострунный,/ Как многопевная морская глубина» [6, с. 305]. Эпитет *многострунный* соотнесён с понятием *musica mundana*, мировой музыки, которая, согласно Л. Гервер, в русском символизме звучит небесными струнами [4, с. 21].

Музыкальность цикла придают различные приёмы на ритмическом и фоническом уровнях. Например, внутренние рифмы: «Праздник *влияния* правды *слияния*», «*Сладостным, радостным* сном зачарованы»; анафоры: «*И* учит ласкам полумрак./ *И* страсть во тьме горит», «*Знаю*, что счастлив я нежной победою./ *Знаю*, ты счастлива, мною желанная». Важную роль играет звукопись. Аллитерации на боковой сонорный «л» и сонорный нозальный «н» и ассонансы на гласные «ы», «и», «у» сопряжены с образом луны: «*Лунным лучом и любовью слиянные*», «*Влюблённый в ласки стих*», «*Вольной луною со мною венчанная*». Рассмотрим особенности ритмической структуры и композиции. Слово *соната* обозначает произведение, состоящее из трёх и более частей, связанных темой и тональностью. Все части цикла объединены сюжетом свидания, мотивами сказки, луны, сна, дыхания, воздушности, но различны по ритмической структуре и рифме.

В первой части чередуются стихи четырёх-стопного и трёх-стопного ямба с перекрёстной рифмой. Здесь противопоставлены светила: «Моя душа озарена/ И Солнцем и Луной,/ Но днём в ней дышит тишина,/ А ночью рдеет зной» [6, с. 303].

Вторая часть написана четырёх-стопным дактилем с парной рифмовкой. Выбор ритма также можно трактовать как связь с классической сонатой, чьей второй частью является кантиленная мелодия в темпе адажио, ларго или менуэта: «В Небе – видения облачной млечности,/ Тайное пение – в сердце и в Вечности,/ Там, в бесконечности, – свет обаяния,/ Праздник *влияния* правды *слияния*» [6, с. 304]. Торжественность, медленность и мелодичность этой части придают дактилические клаузулы.

Третья часть написана шестистопным ямбом с перекрёстной рифмой. По ритму она быстрее

второй, здесь запечатлено особое состояние затишья и ожидания чуда. Луна, сияющая над лесом, готовит влюблённых к особому метафизическому слиянию, которое случится в финале. Светило порождает влагу для растений: «Успокоительно белея над холмами,/ Рождаёт свежестью росу для трав лесных,/ Глядит, бесстрастная, и ворожит над нами,/ Внушая мысли нам, певучие, как стих» [6, с. 304], а герои наполнены «воздушностью мечты». Мир находится в состоянии всемирной тишины, но это молчание – затишье перед музыкальной феерией: «Мы зачарованы, мы, нежно холодея,/ Друг с другом говорим воздушностью мечты,/ Лелея тишину, и, чуткие, не смея/ Нарушить ласкою безгласность Красоты» [6, с. 304].

В финале происходит триумф любви и музыки. Действие переходит снизу вверх. Эта часть написана шестистопным ямбом и парной рифмой. Всё это позволяет соотнести её и с третьей частью по ритму, с которой её роднят образ луны и тема любовного оцепенения, и со второй по рифме, где также возникают мотивы неба и вечности.

Музыка луны в этом произведении мажорна, в её свете и звучании герой обретает любовь, блаженство и счастье. Лунное благозвучие связано с небесной гармонией, пиром, плодородием и радостью. Оно имеет сказочное и божественное начала. Главный образ цикла связан и с великой сонатой Людвиг ван Бетховена, и с эстетической позицией поэта, для которого лунная музыка – высшее воплощение Эроса.

Тема лунной музыки возникает в книге «Литургия красоты. Стихийные гимны». В миниатюре «Хрустально-серебристый» из поэмы «Фата Моргана» лунный свет соединён с темами сказки, волшебства, гармонии. Музыка, звучащая в этом сиянии, переносит героя в сферу чудесного: «Звуки лютни в свете лунном,/ Слово сказка, неживые,/ В сновиденьи многострунном/ Слёзы флейты звуковые» [6, с. 387]. Эта музыка не несёт счастья. Синестезия в стихе «Слёзы флейты звуковые» указывает на невозможность достижения радости. Прекрасный мир оказывается сказкой, наполненной призрачными образами: «Лики сонных белых лилий/ В озерной зеркальной влаге,/ Призрак ангелов, их крылий,/ Сон царевны в лунной саге» [6, с. 387]. Луна обладает творческой силой и магией, она создаёт призрачное царство сна, сагу, в которой герой может увидеть прекрасный гармоничный мир. Но трагедия этого состояния в его ирреальности и кратковременности, на что указывают слово «хрустальный» в названии миниатюры и белоснежные лилии, которые символизируют хрупкость.

Рассмотрим стихотворение «Лунный свет». Ночной небосвод звучит в чудесной сакральной музыке звёздного хора: «Спит зелёная аллея,/ Лишь вверху поёт хорал» [6, с. 363]. Музыка луны звучит в унисон с шелестом ветра, создавая благостный сон, в который погружена природа:

Это – лунное томленье,
С нежным вешним ветерком,
Лёгкость ласк влагает в пеньё
Лип, загрезивших кругом.

И в истоме замиранья
Их вершины в сладком сне
Слышат лунное сиянье,
Слышат ветер в вышине [6, с. 363].

Исследуемый мотив возникает в сонете «Лунная музыка» из книги «Сонеты Солнца, мёда и Луны. Песня миров», что очевидно в его названии:

Какою музыкой исполнен небосвод.
Луны восполненной колдующая сила,
Сердцами властвуя, в них кровь заговорила,
И строго-белая торжественно плывёт.

Всё в мире призрачном повинно знать черёд.
Течёт каждение из древнего кадила.
Луна осенняя нам сердце остудила,
Без удивления мы встретим снег и лёд.

Невозмутимая чета ракии прибрежных
В успокоении не шелохнёт листвою,
Признав у ног своих лежащий призрак свой.

А в зеркале воды виденья белоснежных
Воздушных саванов, покров мечты живой,
И вот уж неживой, о днях, как сказка, нежных
[6, с. 875–876].

Музыка луны трагична и прекрасна одновременно. В данном случае поэт обращается к образам своей ранней лирики; важно, что стихотворения «Лунная ночь», «Лунный свет» и «Лунная музыка» принадлежат к одному жанру. Первый катрен посвящён полнолунию и описанию звёздного неба, находящегося в состоянии полной гармонии и красоты, сама музыка светил торжественна и прекрасна: «Какою музыкой исполнен небосвод», «И строго-белая торжественно плывёт». Луна имеет волшебную силу, которая влияет на людей: «Сердцами властвуя, в них кровь заговорила». Музыка околдовывает лирического героя, заставляя его размышлять над сущностью жизни и смерти, чему посвящён второй катрен. Если в первой строфе луна волшебная, создающая прекрасную музыку, то во второй она *осенняя*, охлаждающая сердце. Эти строфы строятся на пространственных (верхний и внешний – нижний и внутренний миры) и образных (колдовская луна – осенняя луна, горячее сердце – остуженное сердце; жизнь и радость – смерть и скука) оппозициях. Рифма-анжамбеман черёд – течёт подчёркивает фаталистическую идею о жизни как предопределённом потоке событий. Эта оппозиционная структура создаёт зеркальность, являющуюся основным приёмом в сонете.

В терцетах развивается тема смерти, происходит движение сверху вниз: от прекрасного звёздного купола неба, звучащего в чудесной гармонии луны, к пространству земному, можно даже допустить, что к подземному.

В первом терцете герой видит могилу у подножия ракии, у корней которых находится призрак: «Невозмутимая чета ракии прибрежных/ В успокоении не шелохнёт листвою,/ Признав у ног своих лежащий призрак свой». Данный терцет является самой трагичной строфой стихотворения.

Финальный терцет становится подведением итогов. Зеркальная гладь воды соединяет воедино небо и космос, землю и подземный/подводный миры. Этот терцет является зеркалом к первому катрену: дно – небо, белоснежный саван мечты – белая строгая и полная луна, темы музыки, торжества, жизни – смерть, исчезновение человеческих грёз в бездне небытия.

Можно допустить мысль о своеобразном движении сюжета от музыки светил и гармонии сфер к безмолвию. Тема тишины инструментирована аллитерациями на шипящий «ж» и свистящий «с»: *белоснежных, сказка, саванов, живой, неживой, нежных*, а также внутренней рифмой *живой/неживой* во втором и третьем стихах финальной строфы. Эта звукопись создаёт иллюзию абсолютного и мёртвого безмолвия, однако семантически связывается с темами красоты, лёгкости, сказки. Данные мотивы имеют негативный смысл. Жизнь – это то, что не повторяется и растворяется во времени, превращаясь в призрак, сказку, воздух и саван.

В поэзии конца 1900-х гг. Бальмонт создаёт произведения, посвящённые мифологии древнейших народов [8, с. 10–11]. Очевиден тот факт, что в легендах и преданиях, которым посвящены целые книги и циклы стихотворений («Белый зодчий. Таинство четырёх светильников», «Жар-Птица. Свирель славянина», «Хоровод времён. Всегласность»), символика интересовали сюжеты, связанные с культурами небесных светил. В данном контексте интересна миниатюра «Луна» из цикла «Океания» книги «Гимны, песни и замыслы древних», куда также вошли лирические переложения древних легенд Египта, Ассирии, Мексики, Индии, Ирана, Китая, Скандинавии, Греции, Перу, Халдеи и Бретани.

В исследуемом тексте мотив лунной музыки связан с космогоническим мифом о становлении Вселенной и рождении луны. Миниатюра посвящена легенде о человеке-звере, жившем перед сотворением мира: «Когда в седые времена/ Не загорались, как теперь,/ В выси ни Солнце, ни Луна,/ Был человек, и был он зверь» [9, с. 149]. Человек-зверь представляет собой образ полубога, который воскресает после смерти и возносится на небеса, участвуя в гармоничном хороводе светил, и после двух смертей становится луной:

А сам он вырос, жил и жил.
Когда ж он умер раз, с весной,
Он в свите вспыхнувших светил
На синем Небе стал Луной.

И вновь к нему приходит смерть,
И вновь, как в звонах нежных струн,
Взнес свой тонкий серп на твердь,
Живёт он жизнью юных лун.

Когда ж в ночах поёт вода,
Но наш его не видит взгляд,
С двумя он жёнами тогда,
В стране, зовущейся Закат [9, с. 150].

Важным моментом является то, что тема лунной музыки связана с древнейшим в лунарной мифологии сюжетом о превращении героя в бога и его инициацией и развитием от человека-зверя к луне. Эта метаморфоза оборачивается несколькими смертями [10, с. 337]. Хоровод светил в этом произведении также связан с циклом этих превращений. Но важно то, что это один из немногих примеров использования исследуемого мотива в поэзии Бальмонта, которая посвящена языческой мифологии.

Проведённое исследование даёт основание полагать, что образ луны в лирике К. Бальмонта связан с мотивом музыки. Можно даже говорить об эволюции этой символики от пограничного состояния звучащей и плачущей тишины в ранней лирике, насыщенной клише из готической поэзии, до лунной музыки в зрелом и позднем творчестве. В поэзии 1890-х гг. луна возникает в элегических произведениях, насыщенных мотивами печали, размышления, смерти и жизни, ночной мир всегда созвучен настроению лирического субъекта. Звучащие образы часто связываются с характерными для романтизма и готической литературы темами и образами (туман, смерть, убийство, тайна, колокольня, замок, лес, призрак).

Иное воплощение звучание луны приобретает в книге «Будем как Солнце», где ночное светило заставляет поэта-раба играть на струнах собственной души, создавая возвышенные гимны, что соотносится с темами вдохновения, творчества, поэзии. В книгах «Только любовь. Семицветик» и «Литургия красоты. Стихийные гимны» возникает единство луны и музыки. В проанализированных произведениях луна звучит чудесной гармонией, связанной с темами сказки, волшебства, ирреальности, сна, красоты. Она вводит героя в экстаз, пробуждая в нём чувство горячей и чистой страсти к своей возлюбленной («Лунная соната»), способна создавать идеальный мир снов («Хрустально-серебристый»), а её хорал вводит в сладкую истому всю природу («Лунная музыка»). В мотиве лунной музыки есть и отрицательные коннотации. Воздушная и сказочная гармония хрупка и кратковременна, её нельзя достигнуть в реальности.

Иное осмысление связь музыки и луны получает в «зеркальном» сонете «Лунная музыка», оказывающемся довольно близко по своей образности ранней лирике. Лунная музыка заставляет героя осознать жизнь как трагический поток, ведущий к неминуемой смерти, а мечту и жизнь – бесплотными бледными призраками и сказками, которым не дано сбыться в реальности.

Особое место занимает стихотворение «Луна», навеянное лунарной мифологией племён Океании, но здесь поэт вводит мотив лунной музыки, связывающийся с архетипическими ми-

фологическими мотивами рождения, становления, инициации, смерти и воскрешения героя, представляющегося в гармоничное небесное светило.

Таким образом, мотив лунной музыки в творчестве Бальмонта трагичен и неоднозначен. Луна, будучи символом мировой печали, в то же время представляется образом всемирной красоты, с которой соотносятся мотивы сна, мечты, сказки, воздушности, радости и божественности. Но в то же время гармония, которой звучит ночное светило, создаёт для героя иллюзию недостижимого счастья, заставляет его на некоторое время уйти от мира. Если в лирике зрелого периода это уход в сладостные мечты и сказочные сны, где плачет флейта и звенит лютня, то в поздней поэзии, к которой относится и сонет «Лунная музыка», это уход в себя и в осознание бытия как нечто призрачного и кратковременного. Амбивалентность данного мотива связана как с музыкальной мифологией поэта, так и с его концепцией символа, обладающего двойственностью и стремлением к смысловой бесконечности [11, с. 62].

Список литературы

1. Белый А. Луг зелёный. М. : Rugram, 2018. 198 с.
2. Потяркина Е. Е. К. Бальмонт и А. Скрябин : творческие параллели // Искусство А. Н. Скрябина в свете истории и художественно-стилистических тенденций XXI века. К 140-летию со дня рождения Александра Николаевича Скрябина : материалы Междунар. науч. конф. М. : МГК им. П. И. Чайковского, 2012. С. 83–95.
3. Потяркина Е. Е. К. Д. Бальмонт и русская музыка рубежа XIX–XX веков : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2009. 30 с.
4. Гервер Л. Л. Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века). М. : Индрик, 2001. 248 с.
5. Епишева О. В. Концепт «музыка» в лирике К. Д. Бальмонта // Солнечная пряжа. Иваново ; Шуя : Изд. Епишева О. В., 2009. Вып. 3. 132 с. URL: <http://balmontoved.ru/almanah-solnechnaja-prjazha/vypusk-3/k-balmont-v-zerkale-filologii/37-ov-episheva-kontsept-muzyka-v-lirike-kd-balmonta.html> (дата обращения: 15.05.2021).
6. Бальмонт К. Д. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М. : Альфа-Книга, 2011. 1398 с.
7. Бальмонт К. Д. Светозвук в Природе и Световая симфония Скрябина. М. : Российское музыкальное изд-во, 1917. 24 с.
8. Цыкунова Г. В. Религиозные и философские идеи, мотивы, образы в художественном мире К. Д. Бальмонта : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 208 с.
9. Бальмонт К. Д. Гимны, песни и замыслы древних. СПб. : Пантеон, 1908. 222 с.
10. Мелетинский Е. М. Предки Прометея (культурный герой в мифе и эпосе) // Мелетинский Е. А. Избранные статьи. Воспоминания. М. : Изд-во РГГУ, 1998. С. 334–360.
11. Колобаева Л. А. Русский символизм. М. : Изд-во МГУ, 2000. 296 с.

Поступила в редакцию 08.11.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 12.11.2021
The article was submitted 08.11.2021; approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication 12.11.2021